

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Институт социологии

**Н. Е. Тихонова, Ю. В. Латов, Н. В. Латова,
А. В. Каравай, Е. Д. Слободенюк**

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ
КАПИТАЛ
РОССИЙСКИХ
ПРОФЕССИОНАЛОВ:
СОСТОЯНИЕ, ДИНАМИКА,
ФАКТОРЫ

Москва • 2023

УДК 316.6
ББК 60.5
Ч39

Утверждено к печати Учёным советом ФНИСЦ РАН

Рецензенты:

д-р экон. наук В. В. Вольчик (Южный федеральный университет)
канд. экон. наук В. А. Аникин (НИУ «Высшая школа экономики»)

Авторский коллектив:

Н. Е. Тихонова, Ю. В. Латов, Н. В. Латова,
А. В. Каравай, Е. Д. Слободенюк

Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы : [монография] / Н. Е. Тихонова, Ю. В. Латов, Н. В. Латова [и др.] ; отв. ред. Н. Е. Тихонова, Ю. В. Латов ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. – 488 с.

ISBN 978-5-89697-420-8

DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023

EDN XFSFHH

Современная Россия активно стремится повысить свой статус в мировом сообществе, что тесно связано с ростом роли человеческого капитала профессионалов. Это делает особенно актуальной диагностику определяющих качество их человеческого капитала характеристик, вектора их изменений и влияющих на них факторов. Отдельная проблема – насколько это качество связано с социальной и экономической успешностью российских профессионалов, что именно определяет степень этой успешности или, напротив, приводит их к «сползанию» в число бедных. Не менее важным является и сравнение значимых для оценки конкурентоспособности страны особенностей человеческого капитала профессионалов в России и в других странах. Именно этим проблемам и посвящена настоящая монография. Эмпирической базой исследования выступили данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ), общероссийских опросов Института социологии ФНИСЦ РАН и International Social Survey Programme (ISSP) 2000–2022 гг. Монография является продолжением начавшейся в 2000-х гг. работы группы социологов Института социологии ФНИСЦ РАН под руководством Н. Е. Тихоновой по комплексному осмыслению особенностей социальной структуры российского общества первой четверти XXI века.

Для социологов, политологов, работников системы государственного управления, философов, экономистов, демографов, а также студентов и аспирантов соответствующих специальностей.

УДК 316.3
ББК 60.5

ISBN 978-5-89697-420-8

© Авторы, текст, 2023
© ФНИСЦ РАН, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Подходы к анализу субъектов постиндустриального прорыва и роли их человеческого капитала в развитии обществ современного типа	16
Глава 2. Методология и методика выделения профессионалов в современных обществах	40
Глава 3. Динамика социально-профессиональной структуры российского общества и специфика профессионалов как особой группы в её составе	78
Глава 4. Состояние и динамика качества человеческого капитала российских профессионалов в 2010–2020-х гг.	116
Глава 5. Факторы качества общего человеческого капитала профессионалов: результаты регрессионного анализа	149
Глава 6. Внутригрупповая дифференциация человеческого потенциала профессионалов и особенности его воспроизводства	174
Глава 7. Социальная и экономическая успешность профессионалов в современной России: распространённость и основные проявления	223
Глава 8. Факторы успешности профессионалов и роль в их числе качества человеческого капитала	251
Глава 9. Бедность и малообеспеченность российских профессионалов: масштабы и причины	280

Глава 10.	Миграционная активность профессионалов и перспективы воспроизводства их человеческого капитала	307
Глава 11.	Роль досуговой активности профессионалов и их отдельных подгрупп в формировании их человеческого потенциала	341
Глава 12.	Сравнение состояния человеческого капитала российских профессионалов и профессионалов в других странах мира	369
Глава 13.	Вектор эволюции человеческого капитала профессионалов и перспективы международной конкурентоспособности России	407
	Заключение	440
	Приложения	452
	Список литературы	461
	Сведения об авторах	486

ФАКТОРЫ УСПЕШНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛОВ И РОЛЬ В ИХ ЧИСЛЕ КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА¹³⁴

В данной главе мы обращаемся к динамическому сюжету, раскрывающему то, как с течением времени (а именно – во второй половине 2010-х годов) у профессионалов изменялось их социально-экономическое благополучие, и какую роль в этих процессах играло качество их человеческого капитала. Этому сюжету долгое время не уделялось должного внимания. Основная часть российских исследований, посвящённых динамике их социально-экономического благополучия, проводилась в 1990-е гг. – в период значительного обеднения всех слоёв населения, в том числе квалифицированных кадров, в числе которых были и профессионалы. Феномен их обеднения обрел собственное название – «новая бедность»¹³⁵. Значительный рост уровня жизни и снижение масштабов бедности в нулевые годы снизили актуальность этой проблемы, а с 2010-х гг. сюжет неблагополучия именно профессионалов и вовсе пропал из текстов российских научных публикаций, хотя в последние годы появились тревожные тенденции, которые косвенно свидетельствуют о существенных для них рисках столкнуться с неблагополучием.

Первое, что вызывает тревогу, – это реакция населения на нестабильность экономической ситуации. За последние 10 лет российское общество последовательно столкнулось с экономической рецессией, «негативной стабилизацией» доходов, пандемией коронавируса и специальной военной

---

¹³⁴ В главе частично использованы материалы статьи [Слободенюк, 2021].

¹³⁵ Проблематике «новой бедности» было уделено много внимания как в работах российских учёных (Заславской Т., Зубовой Л., Громовой Р., Ковалевой Н., Можинной М., Овчаровой Л., Поповой Д., Радаева В., Римашевской Н., Тихоновой Н., Тучек М., Хахулиной Л., Черниной Н., Шкаратана О., Ярошенко С.), так и зарубежных (Ladányi J, Manning N., McAllister I, Rose R., Szelényi I, Tamayo J. и др.). Комплексный обзор вышедших в 1990-е работ дан в обзорной публикации [Мэннинг, 2001].

операцией на Украине. Научное сообщество уделило небольшое внимание тому, как такие внешние шоки влияли на уровень жизни и адаптационные стратегии россиян [Аврамова и др., 2018; Кузьминов, Овчарова, 2019; Малева и др., 2016; Тихонова, 2019 и др.]. Среди прочего было выявлено, что в условиях рецессии после кризиса 2014–2016 гг. даже наиболее обеспеченные россияне (немалую долю среди которых составляют профессионалы) были вынуждены экономить на инвестициях в человеческий капитал [Мареева, 2017: 96]. Эта тенденция вызывает тревогу, так как человеческий капитал – ключевой ресурс профессионалов, определяющий их положение в системе производственных отношений и, как результат, в структуре общества.

Вторым настораживающим обстоятельством выступают факты, всплывшие в ходе активно разворачивающейся в последние годы дискуссии, посвящённой отдаче от образования в России. Ряд российских и западных исследователей фиксируют негативные тенденции её снижения, другие не согласны с этой позицией¹³⁶. Лишь ценность диплома о высшем образовании не вызывает сомнения у обеих сторон. В любом случае новым вызовом становится сокращение инвестиций в человеческий капитал среди профессионалов, для которых подобные усилия оказываются нерациональной тратой их ресурсов. Сам факт того, что сюжет отдачи от образования встал на повестку дня, заставляет тревожиться за будущее российских профессионалов.

Третий факт, вызывающий беспокойство, заключается в том, что в современных западных обществах вновь начинают расти риски бедности для профессионалов [Poverty and Shared..., 2020]. Россия как страна, находящаяся на этапе перехода от позднеиндустриального к постиндустриальному обществу, в будущем тоже, скорее всего, столкнется с подобными вызовами.

В этой связи в данной главе мы обращаемся к сюжету динамики социального и социально-экономического благопо-

---

¹³⁶ Подробное описание этого дискурса см. [Капелюшников, 2021].

лучия профессионалов. При этом мы исходим из того, что преимущества профессионалов должны выходить за рамки одной лишь высокой доходности их человеческого капитала, поскольку денежный доход является высшим критерием успешности индивида только в рамках индустриального общества. Поскольку постиндустриальный сдвиг подразумевает, помимо прочего, освобождение индивида от «погони за деньгами», переключение с низших уровней потребностей на более высокие их уровни, выход за пределы ценностей выживания [Inglehart, 2015], то наряду с анализом монетарной доходности человеческого капитала профессионалов необходимо также более комплексный и широкий подход.

По этой причине долгосрочные изменения в жизни российских профессионалов мы рассматриваем как их мобильность в рамках сразу трёх разных социальных иерархий: по доходам, по имеющимся в разных областях жизни возможностям и депривациям, а также по степени субъективного социально-экономического благополучия. В данной главе мы сравниваем долгосрочные изменения в жизни российских профессионалов с аналогичными изменениями у других категорий работников (что позволяет увидеть выгоды от имеющегося у них человеческого потенциала), фокусируем внимание на соотношении мобильных и устойчивых в рамках трёх социальных иерархий характеристик профессионалов, а также на роли человеческого капитала как фактора стабильности на сравнительно благополучных социально-экономических позициях.

Теоретико-методологические основания анализа

Для решения поставленной задачи мы использовали панельные данные исследования РМЭЗ. Этот источник данных был выбран ввиду ряда его сильных сторон: 1) возможности наблюдения за жизнью человека на протяжении ряда лет, 2) большого числа показателей и 3) внушительного числа наблюдений, необходимого для анализа сравнительно небольших групп населения. Для формирования на его базе

своей выборки мы использовали шесть полных баз данных РМЭЗ с 2014 по 2020 гг.¹³⁷, включив в неё исключительно тех россиян, которые были трудоустроены в 2020 г. Сформированная панель включала 2 244 человека¹³⁸. Исследование проводилось на уровне индивидов, но с учётом сведений об их домохозяйствах при оценке индивидуальных характеристик. Общее число профессионалов, вошедших в панельную выборку и выделенных в соответствии с логикой, описанной во второй главе, составило 482 человека.

Чтобы оценить долгосрочные изменения жизни этих профессионалов, рассмотрим, как с течением времени изменялось их положение в трёх различных социальных иерархиях: 1) по доходам, 2) по имеющимся у них в разных областях жизни возможностям и депривациям и 3) по субъективному восприятию своего благополучия в координатах «бедность – богатство». Таким образом, наше исследование относится к структуралистской традиции анализа [Crouch, 2010; Наёмный..., 2015; Шкаратан и др., 2008], в рамках которой основное внимание уделяется связи профессиональной принадлежности человека с его положением в социальной стратификации. Все три используемые методологии являются стратифицирующими, так как они распределяют статусные позиции по вертикали, и относительными, так как фиксируют отклонения от стандарта жизни, типичного для большинства россиян.

---

¹³⁷ Ввиду отсутствия одного значимого показателя в опросах 2019 г. и 2021 г. эти годы из анализа были исключены.

¹³⁸ Процесс формирования выборки неизбежно приводит к потере части наблюдений – прежде всего наиболее благополучных и мобильных представителей общества. Поэтому чем длиннее время существования панели, тем шире в ней представлены пожилые члены общества и жители сельских поселений. Мы осознанно шли на это ограничение ради преимуществ, которые предоставляет анализ панельных данных. В попытке максимально сохранить репрезентативность наших данных мы ограничились сравнительно небольшим временным интервалом (7 лет), достаточным для фиксации среднесрочных тенденций, и анализировали лиц, попадающих в репрезентативную выборку 2020 г. В результате сформированная выборка сохранила свою структуру по ключевым социально-демографическим показателям (см. табл. 2.1 в Приложениях).

Рассмотрим подробнее каждую из них.

Для построения доходной иерархии мы использовали методологию, ранее разработанную и апробированную в ходе исследовательского проекта «Динамика модели доходной стратификации российского общества в социологическом измерении» [Модель..., 2018]. Ее суть заключается в том, что положение человека в социальной иерархии определяется через соотношение его доходов с медианным значением по стране/региону/типу поселения. Таким образом, в рамках этой иерархии под «стандартом» жизни подразумевается доходная медиана. Хотя поселенческие и региональные неравенства оказывают существенное влияние на доходы россиян [Овчарова и др., 2014], мы использовали страновую медиану¹³⁹, чтобы достигнуть сопоставимости с двумя другими структурами, в которых стандарт жизни тоже был общестрановой. В качестве базового показателя использовался среднедушевой доход – совокупный доход домохозяйства, получаемый из более чем 20 источников (зарплаты, пенсии, алименты и т. д.), в номинальном выражении в расчёте на одного члена домохозяйства¹⁴⁰. Коэффициент экономии от совместного потребления не применялся, так как в научном дискурсе всё ещё не достигнут консенсус по этому вопросу применительно к российскому обществу [Абанокова, Локшин, 2014; Берендеева, Ратникова, 2016; Суринов, Луппов, 2020]. Опираясь на опыт предшествующих зарубежных исследований и апробацию доходных границ применительно к российским условиям [Модель..., 2018: 24–116], в качестве границ, отсекающих россиян со значимо отклоняющимися от общестранового стандарта доходами, мы использовали значения 0,75 и 2 медианы.

---

¹³⁹ Показатель её был рассчитан на репрезентативных выборках каждого года.

¹⁴⁰ Использовалась переменная совокупного дохода семьи (TINCM.N), рассчитанная разработчиками РМЭЗ и представленная в «Файлах сводных данных» на официальном сайте этого исследования.

Сформированная иерархия включала три массовые страты: 1) бедных, 2) среднедоходных и 3) высокодоходных (для простоты восприятия мы будем называть их «богатыми», хотя это не вполне корректное обозначение, так как черта богатства в России пролегает выше). Под долгосрочными изменениями в жизни в этом случае подразумевались рост и падение доходов, которые настолько сильны, что влекут за собой переход из одной доходной страты в другую.

Вторая использованная нами методология была разработана в рамках исследовательского проекта «Поведенческие стратегии населения в посткризисный период: как новые повседневные реалии жизни россиян скажутся на “коридоре возможностей” развития страны?». Данная методология относится к неовеберовской традиции анализа и опирается на одно из основополагающих понятий М. Вебера – «жизненные шансы». Согласно его определению, это «общие возможности потребления благ, достижения определённой социальной позиции и обретения внутренней удовлетворённости» [Weber, 1978: 302]. Суть методологии заключается в построении интегрального Индекса жизненных шансов и рисков с последующим выявлением на его основе членов общества, которые находятся в привилегированном/депривированном положении по сравнению с большинством остальных. Для построения интегрального индекса используются признаки жизненных шансов и рисков в четырёх сферах жизни: 1) экономические условия, 2) ситуация на работе, 3) возможности сохранения и/или наращивания человеческого капитала и 4) особенности потребления и досуга¹⁴¹.

Мы используем разработанные в рамках исследования [Тихонова, 2018] границы, позволяющие выделить три массовые страты российского общества – верхнюю, среднюю и нижнюю. Россиян, попадающих в верхнюю страту, мы будем называть привилегированными, так как им доступно то, что недоступно большинству остальных, – значительные на-

---

¹⁴¹ Полный перечень и подробное теоретическое обоснование отобранных индикаторов представлены в [Аникин, 2018; Общество ..., 2022].

копления, особо комфортные условия проживания, ресурс влияния на работе и пр. Представителей нижней страты мы называем в данной главе «депривированными», так как они обременены нетипичными для большинства россиян жизненными рисками – нанесения значительного урона здоровью ввиду особых условий труда, невозможности получить необходимое лечение или образование, множественными долговыми обязательствами и т. д. Долгосрочные изменения в жизни по этому критерию заключаются в том, что человек переходит, например, из средней страты в число привилегированных или, наоборот, в число депривированных.

Третья используемая структура отражает то, как сами люди оценивают своё социально-экономическое благополучие, опираясь на свои субъективные оценки и представления о том, где пролегают границы бедности и богатства в современной России. В научной практике существует достаточно большое число графических и вербальных тестов, позволяющих оценить это восприятие [Тихонова, 2018]. В данном случае использовалась одна из наиболее распространённых их версий [Jackman, Jackman, 1973], когда в анкете задаётся вопрос о восприятии человеком своего положения на девятиступенчатой лестнице, в которой на первой ступени располагаются нищие, а на верхней – богатые.

Следуя устоявшейся традиции, к субъективно богатым и субъективно бедным отнесены те россияне, которые поставили себя соответственно на три верхние и три нижние ступени этой лестницы. Долгосрочные изменения в жизни по этому критерию проявляются в значительном ухудшении или улучшении восприятия своей позиции в обществе, обуславливающие переход в другую группу из трёх выделенных.

Схематическая визуализация трёх социальных иерархий (моделей стратификации по разным основаниям) представлена в таблице 8.1.¹⁴²

---

¹⁴² Данные о распределении населения в рамках этих структур (т. е. о наполненности страт) приведены в Приложениях в таблице 2.2.

Таблица 8.1

**Структурные элементы трёх использованных моделей
стратификации**

По величине доходов	По наличию привилегированности	По субъективному восприятию
богатые	привилегированные	богатые
среднедоходные	серединные	среднедоходные
бедные	депривированные	бедные

Для выявления типичных траекторий, отражавших направления и характер долгосрочных жизненных изменений, с которыми столкнулись профессионалы в последние годы, был использован метод «Group based trajectory modelling» (GBTM) [Group-based..., 2005]. Он позволяет выявить наиболее распространённые траектории изменения анализируемого показателя с течением времени, визуализировать их, а затем объединить в группы тех людей, у которых показатель изменялся наиболее близким к выявленному тренду образом. Изначально метод разрабатывался для нужд медицинских исследований, однако он может быть успешно применён и в рамках социологического исследования (см., например, [Зудина, 2016]). С опорой на методологические указания разработчиков метода нами были определены основные траектории жизненных изменений в рамках анализируемых социальных иерархий (этапы моделирования приведены в таблице 2.3 в Приложениях). Все выявленные траектории жизненных изменений схематично отражены на рисунке 8.1, а их точная визуализация представлена на рисунке 2.1 в Приложениях.

Отметим несколько нюансов выделения траекторий. Во-первых, они выявлялись на всей панельной выборке, состоящей не только из профессионалов, а из всех работавших в 2020 г. россиян, непрерывно принимавших участие в опросах с 2014 г. Сюда входили также руководители, полупрофессионалы, работники сферы торговли и услуг, рабочие

Рис. 8.1. Траектории изменения положения профессионалов в трёх моделях стратификации российского общества, РМЭЗ, 2020 г., % от числа профессионалов, участвовавших в исследовании с 2014 по 2020 гг.

и разнорабочие. Такой подход имеет как плюсы, так и минусы. С одной стороны, он позволяет сравнить работников, попадающих в разные классы ISCO-08, по этим показателям между собой¹⁴³. С другой стороны, такой подход ставит вопрос о том, в какой степени правомерно рассуждать, что жизненные изменения у профессионалов были в точности такими. Для ответа на этот вопрос мы повторили весь анализ исключительно на подвыборке профессионалов из сформированной панели. Результаты проверки показали, что выявленные траектории были практически идентичны

¹⁴³ Так, в структуре по наличию привилегированности/депривированности были выявлены два тренда устойчивого пребывания в нижней и верхней стратах («устойчиво привилегированные» и «устойчиво депривированные» на рис. 8.1). При этом среди руководителей устойчиво депривированных не было вовсе, а устойчиво привилегирован был каждый пятый; среди разнорабочих же, наоборот, каждый пятый был устойчиво депривирован, и лишь единицы – устойчиво привилегированы (см. табл. 8.2). К таблице 8.2 мы ещё обратимся позже, здесь лишь зафиксируем, что траектории выявлялись для всех работников.

представленным на рис. 8.1 (в том числе – по большей части совпадала и численность профессионалов, столкнувшихся с данными жизненными изменениями). По этой причине мы выбрали первый метод, как более информативный.

Во-вторых, несколько траекторий были объединены, так как в ходе моделирования при корректировке ряда показателей они либо выделялись как отдельные, либо объединялись в одну траекторию. Ввиду того, что они, по большей части, отражали собой устойчивое пребывание в верхней или нижней стратах (по тому или иному основанию) с разовым скачкообразным отклонением в начале или в конце и затем возвратом в исходное положение (что с большей степенью позволяет характеризовать такие траектории скорее как стабильность социальных позиций, нежели как их изменение), а их объединение позволяло увеличить численность анализируемых групп (что важно при анализе таких малых выборок), мы пренебрегли этой частью информации. В Приложениях (рис. 2.1) отображены все выявленные траектории в их визуальном представлении, где сплошными линиями показаны траектории, отражающие стабильность позиции, а пунктирными – ее долгосрочные изменения.

Последнее, что требует пояснения, – это трактовка человеческого капитала и мобильности. Мы понимали человеческий капитал в соответствии с его классической концепцией, основы которой заложили ещё Г. Беккер, Т. Шульц и Д. Минсер. Для его оценки далее используется Индекс качества общего человеческого капитала (Индекс КОЧК), описанный в начальных главах данной книги. Индекс фиксирует то, сколько лет человек потратил на обучение и обладает ли он значимыми для жизни в современном мире навыками (в частности, использования компьютера и иностранного языка). Под «социальной мобильностью» далее понимается перемещение человека между статусными позициями в структуре общества [Сорокин, 1992: 230–331; Goldthorpe, Jackson, 2007: 527], т. е. те самые жизненные изменения, которые требовалось зафиксировать.

Мобильность профессионалов в трёх моделях стратификации российского общества

Как показало исследование, на фоне остальных работников (см. табл. 8.2) положение профессионалов оказывается наиболее благополучным: у них самые низкие риски застойного неблагополучия в любом из его трёх проявлений и самые высокие шансы устойчивого благополучия. Конкуренцию им в этом отношении могут составить только руководители. Несколько хуже (но в целом сопоставима) ситуация у полупрофессионалов и клерков.

Таблица 8.2

Динамика работающих россиян в рамках трёх социальных структур в разбивке по профессиональным группам, РМЭЗ, 2020 г., % от числа работников, участвовавших в исследовании с 2014 по 2020 гг.

Траектории	Профессиональные классы по ISCO-08*								В среднем
	1	2	3	4	5	7	8	9	
<i>По доходам</i> ¹⁴⁴									
Стабильность: бедность	5	9	11	12	18	14	15	20	13
Рост: бедность → средние доходы	10	10	9	9	15	10	15	17	12
Падение: средние доходы → бедность	10	10	12	11	18	17	12	17	13
Стабильность: средние доходы	47	44	46	48	37	45	39	32	41
Рост: средние доходы → богатство	18	14	13	10	8	10	14	13	13
Стабильность: богатство	10	13	9	10	4	4	5	1	8

¹⁴⁴ Траектория, отражающая нисходящую мобильность по доходам, с использованием методики GVTM не выявилась.

¹⁴⁵ Траектории, отражающие как восходящую, так и нисходящую мобильность между богатством и серединным положением по субъективному восприятию, с использованием методики GVTM не выявились.

Окончание таблицы 8.2

Траектории	Профессиональные классы по ISCO-08*								В среднем
	1	2	3	4	5	7	8	9	
<i>По наличию привилегированности</i>									
Стабильность: депривированность	0	2	2	4	7	8	10	19	5
Рост: депривированность → срединное положение	3	5	8	8	10	16	17	26	11
Падение: срединное положение → депривированность	2	2	4	3	6	7	6	5	4
Стабильность: срединное положение	50	53	59	62	64	54	53	45	56
Рост: срединное положение → привилегированность	5	5	2	5	1	2	3	1	3
Падение: привилегированность → срединное положение	20	18	14	14	9	10	10	3	13
Стабильность: привилегированность	20	15	11	4	3	3	1	1	8
<i>По субъективному восприятию¹⁴⁵</i>									
Стабильность: бедность	8	8	12	24	17	15	14	27	14
Рост: бедность → средние доходы	9	16	15	11	17	17	15	20	15
Падение: средние доходы → бедность	7	9	9	13	12	12	12	14	11
Стабильность: средние доходы	70	64	63	52	53	56	58	39	58
Стабильность: богатство	6	3	1	0	1	0	1	0	2

Примечание: 1 – руководители, 2 – профессионалы, 3 – полупрофессионалы, 4 – офисные служащие, 5 – работники сферы торговли и услуг, 7 – квалифицированные рабочие ручного труда, 8 – операторы машин и механизмов, 9 – разнорабочие.

Общий срез, представленный ранее на рисунке 8.1, показывает, что в жизни профессионалов, как и других работников, превалирует стабильность. Однако они чаще пребывают на более благополучных позициях в рамках анализируемых социальных иерархий, нежели большинство остальных профессиональных групп. На протяжении семи лет доходы были

неизменными у 66% профессионалов, наличие привилегированности – у 70%, субъективное ощущение своего статуса – у 75%. Исходя из этих данных, можно заключить, что сильнее всего у профессионалов изменялись доходы.

Рассмотрим подробнее признаки профессионалов, стабильно пребывавших в нижних, срединных и верхних стратах по каждому из оснований (см. табл. 8.3). Мы фокусируем своё внимание именно на устойчивости (т. е. на отсутствии жизненных изменений в долгосрочной перспективе), так как она скрывает за собой наибольшие различия между профессионалами и позволит в дальнейшем понять причины мобильности ряда из них между стратами¹⁴⁶.

Рассмотрим сначала мобильность по доходам.

Как показывают данные, профессионалы не защищены от рисков хронической бедности – устойчиво низкими доходами характеризовались 9% профессионалов (см. табл. 8.2). При этом, однако, по сравнению с работниками сферы торговли и услуг, а также рабочими их финансовое положение было более благополучным (среди последних устойчиво пребывали в бедности от 14 до 20%). Наиболее застрахованными от хронической бедности являлись руководители, в сопоставимой степени – полупрофессионалы и клерки. Если объединить всех тех профессионалов, которые устойчиво пребывали в нижней страте по доходам, с теми, кто за анализируемый временной промежуток совершил восходящую или нисходящую мобильность между средней и нижней стратой, то их общее число составит 29% (у руководителей – 25%, у полупрофессионалов и клерков – 32%, у рабочих разной квалификации – не менее 40%). Как видим, динамика доходов в эти годы у профессионалов в целом была ближе к таковой у полупрофессионалов и руководителей, нежели к той, которая наблюдалась у работников сферы торговли и услуг или рабочих.

---

¹⁴⁶ Характеристики профессионалов, отличающихся социальной мобильностью, приведены в Приложениях в таблице 2.3.

Таблица 8.3

Характеристики профессионалов, устойчиво пребывающих в той или иной страте в трёх анализируемых социальных иерархиях, РМЭЗ, 2020 г., % от числа профессионалов, участвовавших в исследовании с 2014 по 2020 гг.¹⁴⁷

Характеристики	а) по доходам			б) по наличию привилегированности			в) по субъективному восприятию			В среднем по профессионалам
	бедные	среднедоходные	богатые	депривированные	серединные	привилегированные	бедные	среднедоходные	богатые	
<i>Тип поселения</i>										
Москва, Санкт-Петербург и центры субъектов РФ	9	44	67	0	41	56	47	44	25	43
Прочие города	30	31	14	13	24	23	28	28	17	25
Сёла и ПГТ	61	25	19	87	35	21	25	28	58	32
<i>Возраст</i>										
18–35 лет	23	25	17	0	28	20	25	25	8	24
36–45 лет	41	28	20	37	28	32	30	29	34	30
46–55 лет	27	26	13	25	22	27	32	25	25	24
56–65 лет	9	18	36	38	18	17	10	17	25	18
66 лет и старше	0	3	14	0	4	4	3	4	8	4
<i>Справочно: пенсионный возраст</i>	7	19	44	38	20	19	13	19	25	19
<i>Качество общего человеческого капитала</i>										
Высокое	56	75	86	24	74	90	72	79	75	77
Среднее	23	17	9	38	16	6	15	15	17	14
Низкое	21	8	5	38	10	4	13	6	8	9

¹⁴⁷ Фоном выделены подгруппы, численность которых не превышает 30 человек.

Окончание таблицы 8.3

Характеристики	а) по доходам			б) по наличию привилегированности			в) по субъективному восприятию			В среднем по профессионалам
	бедные	среднедоходные	богатые	депривированные	срединные	привилегированные	бедные	среднедоходные	богатые	
<i>Качество общего человеческого капитала у профессионалов без детей</i>										
Высокое	33	75	86	33	71	92	66	77	83	74
Среднее	42	17	9	34	18	3	17	16	17	15
Низкое	25	8	5	33	11	5	17	7	0	11
<i>Общий трудовой стаж у лиц моложе пенсионного возраста</i>										
Среднее значение	18,5	17,7	20,3	20,0	17,2	19,5	16,9	18,2	20,1	18,1
Медианное значение	16	18	18	15	16	17	17	18	18	17
<i>Наличие детей в составе домохозяйства на момент 2014 г.</i>										
Имели детей моложе 16 лет	82	48	14	62	46	56	65	47	42	51
Не имели детей моложе 16 лет	18	52	86	38	54	44	35	53	58	49
<i>Справочно</i>										
Имеют диплом о в/о	57	76	86	25	74	89	73	79	83	77
Оба родителя с в/о	9	17	22	0	17	29	24	17	0	16
Субъективно хорошее здоровье	52	43	38	25	45	54	35	49	33	46
0 или 1 признак одновременно	67	58	55	100	59	37	65	53	67	56
2 или 3 признака одновременно	33	42	45	0	41	64	35	47	33	44

Из таблицы 8.3 видно, что на величину доходов значительное влияние оказывает тип поселения, в котором живет человек. В следующей главе мы остановимся на этом сюжете подробнее и покажем, что поселенческие неравенства во многом задают также иные формы неравенств, которым

профессионал мало что может противопоставить. В крупных городах (и, тем более, в столицах) россиянам доступны лучшие учебные и медицинские учреждения, а также наиболее качественные рабочие места. Чем меньше поселение, тем ниже возможности человека по формированию качественного человеческого капитала и хуже рынок труда. В результате доходы профессионалов, которые преимущественно состоят из заработных плат, «завязываются» на поселенческие неравенства, а сама хроническая бедность практически в 2/3 случаев наблюдается в сёлах и посёлках городского типа, в то время как устойчиво высокими доходами более чем в 2/3 случаев характеризуются профессионалы из крупных городов и столиц.

Вторым фактором, влияющим на величину доходов, выступает иждивенческая нагрузка детьми. Как видим, из находящихся в хронической бедности профессионалов не менее 80% имеют в составе домохозяйств детей моложе 16 лет¹⁴⁸, в то время как среди устойчиво богатых таких примерно 20%. Можно проиллюстрировать этот сюжет и рисками обеднения для россиян, проживающих в семьях разного типа. Не имевшие детей профессионалы в 2014 г. практически не имели рисков оказаться в хронической бедности (таковых было лишь 3%), в то время как устойчиво богатым был практически каждый четвёртый из их числа (23%). Среди профессионалов, в семьях у которых в 2014 г. был всего один ребенок, в хронической бедности пребывали 8% их представителей (при 9% в среднем по стране), устойчивыми средними доходами обладали 48% (при 43% в среднем), а устойчиво высокими – 5% (при 13% в среднем). Как видим, наличие хотя бы одного ребенка существенно снижало шансы на устойчивое финансовое благополучие, однако не повышало рисков хронической бедности. Среди

---

¹⁴⁸ Использовалась именно такая возрастная граница, так как согласно российскому законодательству эта возрастная граница используется для установления норматива прожиточного минимума ребенка.

профессионалов с двумя детьми эти показатели (в порядке упоминания) составляли уже 24%, 31% и 3%, а в семьях с тремя и большим количеством детей – 39%, 8% и 0%, соответственно. Иными словами, рождение второго ребенка повышает риски хронической бедности для профессионалов как минимум двукратно, а троих и большего числа детей – многократно. При этом проживание в многодетной семье полностью исключает шансы на устойчиво высокие доходы (на фоне остальных россиян). В нашей выборке было мало многодетных родителей из числа профессионалов (всего 13 человек), однако, опираясь на предшествующие исследования [Лежнина, 2014: 23], мы предполагаем, что данный результат отражает действительные риски многодетных профессионалов. Сам факт того, что иждивенческая нагрузка является одним из ключевых рисков бедности, не является открытием. Однако мы хотим заострить внимание на том, что она играет не меньшую роль и для профессионалов. Даже высокое качество человеческого капитала не формирует им настолько высоких доходов, чтобы они могли нивелировать эти риски. Забегая вперёд, отметим, что факт наличия ребёнка в семье не формирует рисков устойчивого неблагополучия в рамках двух других структурных срезов.

Шансы иметь высокие доходы, равно как и риски бедности, изменяются с возрастом. У молодёжи и лиц средних возрастов из числа профессионалов риски бедности сопоставимы со средними по этой профессиональной группе (в возрасте до 36 лет – чуть ниже, в средних возрастах – чуть выше, но в обоих случаях в пределах статистической погрешности). При этом в возрасте до 55 лет у профессионалов примерно вдвое ниже шансы на устойчиво высокие среднедушевые доходы. Это объясняется фактором иждивенческой нагрузки, которая снижается с возрастом, благодаря чему растут шансы на устойчивое богатство. Так, среди профессионалов моложе 55 лет лишь 7–10% обладали в 2020 г. устойчиво высокими доходами, в то время как среди лиц в возрасте 56–65 лет их имел минимум каждый четвёртый,

а среди лиц старше 65 лет – около половины (не приводим точных оценок, так как последних насчитывалось всего 19 человек). Таким образом, сохранение трудовой активности в пожилом возрасте, для которого уже не актуальна проблема иждивенческой нагрузки детьми, – эффективная стратегия поддержания высокого уровня доходов у профессионалов.

Немалое влияние на уровень доходов профессионалов оказывает и специфика их ресурсов. Как видно из таблицы 8.3, практически 9/10 устойчиво богатых характеризуются высоким качеством общего человеческого капитала, а практически каждый четвёртый вырос в семье, где оба родителя получили высшее образование. В зоне устойчивой бедности концентрируются профессионалы с более низкими значениями Индекса КОЧК, лишь у 1 из 10 из них были высокообразованные родители. Существенно ниже среди них была и доля тех, кто завершил своё обучение в вузе и получил диплом (лишь немногим более половины). Несмотря на сравнительно близкие к средним значениям показатели качества человеческого потенциала устойчиво богатых, среди них наблюдается наибольшая доля лиц, получивших учёную степень (практически каждый 10-й).

Итак, как видим, качество человеческого капитала играет далеко не главенствующую роль в определении места профессионалов в доходной стратификации. Поселенческие неравенства и иждивенческая нагрузка детьми оказываются не менее значимыми факторами, определяющими величину среднедушевых доходов в домохозяйствах российских профессионалов. Рождение ребенка, снижая доходы профессионалов, может не приводить к попаданию за официально установленную черту бедности, но с высокой долей вероятности приведёт к обеднению в рамках того поселения, в котором проживает профессионал. При этом, обладание высококачественным человеческим капиталом и нефизический характер труда профессионалов относительно чаще позволяют им продолжать трудовую активность после

достижения пенсионного возраста и потому поддерживать сравнительно высокие доходы в пожилом возрасте.

Мобильность профессионалов по имеющимся у них в разных областях жизни **жизненным шансам и рискам (возможностям и депривациям)** выглядит намного более благополучной. Риски устойчивой депривации у профессионалов низки (с ними сталкиваются менее 2% представителей группы). В совокупности с теми, кто за указанные годы перемещался между средней и нижней стратами в этой иерархии, их насчитывается всего 9%. Меньшая распространённость встречается лишь у руководителей, среди которых устойчиво депривированных нет вовсе, а совершивших мобильность между нижней и средней стратами – всего 5%. Во всех остальных профессиональных классах совокупное число их представителей, попадающих в зону депривации или мобильных в нижней части этой иерархии, существенно больше: 14% – среди полупрофессионалов, 23% – у работников, занятых в торговле и сфере услуг, от 30 до 50% – среди рабочих. Существенно больше среди профессионалов (15%) устойчиво привилегированных (больше лишь у руководителей – 20%), почти сопоставима их доля у полупрофессионалов (11%). В то же время в остальных профессиональных классах их менее 5%. Мобильность в этих координатах у профессионалов если и происходит, то преимущественно между серединным и привилегированным положением, а оставшиеся редкие случаи свидетельствуют в основном о выходе части профессионалов из зоны множественной депривации. Как видим, жизнь профессионалов в этом отношении существенно благополучнее, чем у остальных работающих.

Как и в случае с доходами профессионалов, поселенческие неравенства играют одну из главных ролей в распределении их шансов на устойчивое благополучие в иерархии, основанной на соотношении у них жизненных шансов и рисков. Иждивенческая нагрузка детьми, напротив, не демонстрирует связи с мобильностью в рамках этой иерархии.

Решение о (не)рождении ребенка скорее является следствием занимаемой в ней позиции, нежели причиной. Поясним в этой связи, что в число индикаторов, заложенных в основу методологии построения данной структуры, входят такие «жизненные риски», как столкновение с невыплатой/задержкой зарплаты, вынужденный выход в неоплачиваемые отпуска, работа в «теневом» секторе экономики, недоступность необходимого образования или лечения, наличие множественных долговых обязательств и ряд других. В таких условиях принятие решения о рождении ребенка оказывается чрезвычайно тяжёлым. Мы предполагаем, что при принятии решения о рождении ребенка россияне осознают финансовые потери, которые понесёт их семья. Они не готовы принимать такое решение, если их жизнь складывается тяжело, а будущее нестабильно или непредсказуемо. Именно поэтому мобильность в рамках этой иерархии не зависит от иждивенческой нагрузки детьми.

Основным фактором, определяющим положение профессионала в рамках данной иерархии, является качество его общего человеческого капитала. Среди устойчиво депривированных каждый третий имеет человеческий капитал хуже среднего по профессионалам и лишь у одного из трёх он высокий. Так как группа устойчиво депривированных малочисленна, оценки по ней следует воспринимать с осторожностью. Однако среди массовых категорий профессионалов – занимающих устойчиво срединное или устойчиво привилегированное положение – различия также значительны. Среди первых низкими или средними показателями Индекса КОЧК обладают 26%, а среди вторых – лишь 10%. Важную роль играет и то, в какой семье вырос профессионал. Среди устойчиво привилегированных более четверти воспитаны родителями, получившими высшее образование, в самой массовой по численности группе (устойчиво занимающих срединное положение) таких 17%, а среди малочисленной группы устойчиво депривированных таких и вовсе нет.

Роль социального происхождения, как видим, высока и для шансов иметь высокие доходы, и для шансов попасть в чисто устойчиво привилегированных. Однако в сочетании с такими характеристиками хорошего человеческого потенциала, как наличие диплома о высшем образовании и оценки своего здоровья как хорошего, оно срабатывает как дифференцирующий фактор именно по отношению к жизненным возможностям и депривациям (см. справочные данные в таблице 8.3). Одновременное присутствие хотя бы двух из трёх перечисленных признаков характерно для 2/3 устойчиво привилегированных. Такое сильное отклонение не встречается в двух других социальных иерархиях, которые рассматриваются в данной главе. Опираясь на это, мы приходим к выводу, что у профессионалов, занимающих устойчиво привилегированное положение в обществе, срабатывают так называемые «композитные ренты»¹⁴⁹.

Подытоживая рассмотрение этого сюжета, зафиксируем, что качество человеческого потенциала приносит наивысшие выгоды профессионалам именно с точки зрения доступных им в разных областях жизни возможностей. Однако и эта сторона жизни профессионалов в значительной степени предопределяется внешним фактором – поселенческими неравенствами.

Субъективные оценки своего положения на шкале «нищета–богатство» у профессионалов, как и их место в двух других иерархиях, – одни из самых благополучных на фоне остальных работающих. В общей сложности тех из них, кто устойчиво воспринимал своё материальное положение как пребывание в бедности, а также тех, чьи оценки колебались между «серединым положением» и бедностью на протяжении всего периода 2014–2020 гг., насчитывалось 32%. Сопоставимые оценки давали также и полупрофесси-

---

¹⁴⁹ Речь идёт о рентах, возникающих в том случае, когда одновременное присутствие у человека нескольких различных активов приносит ему большую отдачу, чем сумма отдач от каждого из них в отдельности (см. [Sorensen, 2000]).

оналы (33%). Лучше дела обстояли только у руководителей (24%). В остальных профессиональных классах таких было не менее 40% (в том числе у разнорабочих – 61%). Устойчивое восприятие своего положения в обществе как высокого (стабильное субъективное богатство) в эти годы было нетипично для россиян в принципе. Действительно, вторая половина 2010-х гг. далась россиянам тяжело ввиду кризиса 2014–2016 гг., последующей рецессии и затем стабилизации доходов населения на пониженном уровне [Малева и др., 2016; Тихонова, 2019]. Не успев в достаточной степени адаптироваться к новой реальности (что привело бы к росту субъективных оценок своего материального положения), россияне столкнулись с новыми вызовами периода пандемии, когда для сохранения привычного уровня материального положения и потребления семьи им приходилось тратить семейные сбережения (если такие были) или же влезать в новые долги. В результате с точки зрения субъективного восприятия материального положения своей семьи россияне характеризовались в этот период умеренными, нередко даже пессимистичными настроениями, не типичными для начала 2010-х гг. [Информационно-аналитический..., 2021; Россия реформирующаяся, 2023]. В этой связи повышенная доля профессионалов, устойчиво оценивающих своё положение в иерархии по субъективному благополучию как «серединное», и сниженная доля устойчиво воспринимающих свою жизнь как пребывание в бедности хорошо характеризует профессионалов на фоне большинства работающих россиян. Однако всё же каждый третий профессионал хотя бы раз за 7 лет относил себя к бедным.

Хотя численность профессионалов, стабильно считающих себя бедными, сопоставима с численностью устойчиво низкодоходных (первых, как мы показали, насчитывается 8%, вторых – 9%), среди устойчиво бедных по субъективным оценкам лишь 20% в реальности обладали устойчиво низкими доходами. Если даже объединить устойчиво низ-

кодоходных с теми, кто совершил восходящую или нисходящую мобильность по доходам между нижней и средней стратами, то эта группа профессионалов составит лишь 50% от числа устойчиво воспринимающих себя бедными. Таким образом, к субъективной бедности приводят во многом другие факторы, чем к бедности по доходам.

Из таблицы 8.3 видно, что субъективные оценки значительно меньше коррелируют с показателями, оказывающими серьёзное влияние на уровень доходов или характер привилегированности. Во-первых, не прослеживается влияние поселенческих неравенств на субъективное благополучие – фактора, оказывающего существенное влияние на две другие формы социально-экономического неблагополучия профессионалов. Слабо коррелирует этот показатель и с качеством общего человеческого капитала, оказывающим очень серьёзное влияние на долгосрочную динамику жизненных изменений в двух других социальных иерархиях. Ощутимые различия наблюдаются лишь в том, как воспринимают профессионалы своё здоровье: среди устойчиво бедных его оценивает как хорошее лишь каждый третий, в то время как среди устойчиво «серединных» – каждый второй. Среди устойчиво бедных по субъективным оценкам несколько больше представителей среднего возраста и проживающих с детьми. Однако эти различия не столь велики, чтобы утверждать, что низкодоходность, вызванная необходимостью содержать детей, приводит к субъективной бедности профессионалов. Это верно лишь для некоторых конкретных случаев, но явно не является ключевой предпосылкой субъективной бедности.

Предшествующие исследования в области субъективного социально-экономического благополучия показывали, что к негативному восприятию своего положения в обществе в большей степени склонны люди с хроническими заболеваниями и пенсионеры. Первая зависимость, как видим, проявляется и у профессионалов, в то время как вторая – нет. Среди субъективно бедных профессионалов не наблюдается

повышенной доли пенсионеров, так как сохранение трудовой активности позволяет им получать наравне с пенсиями также и трудовые доходы. Таким образом, к субъективным негативным оценкам приводят не объективные предпосылки, формирующие устойчивую депривированность или низкодородность, а недовольство возможностями по удовлетворению своих потребностей и уровень запросов человека. Феномен субъективного социально-экономического благополучия всё ещё недостаточно изучен в российской научной литературе и требует более глубинного анализа, в том числе – с использованием качественных методик. Однако зафиксируем, что значимая компонента человеческого потенциала – здоровье человека – оказывает серьёзное влияние на его субъективное благополучие.

Завершим свой анализ рассмотрением того, каковы сегодня у профессионалов шансы на абсолютное благополучие, понимаемое как занятие наивысших позиций сразу во всех трёх социальных иерархиях, и каковы риски столкнуться с абсолютным неблагополучием. Из рисунка 8.2 видно, что абсолютное благополучие профессионалам недоступно, но при этом и абсолютное неблагополучие для них – редчайшее явление. Устойчивое неблагополучие в той или иной его форме охватывает в общей сложности 16% профессионалов, в то время как устойчивое благополучие – 25%. Иными словами, шансы на благополучие у профессионалов всё же выше, чем риски неблагополучия. Как видим, неоднократно отмеченный в текстах научных работ факт расхождения субъективного, монетарного и немонетарного благополучия (см., например, [Овчарова, 2012: 20; Тихонова, 2014]) подтверждается и при детальном изучении динамики жизни профессионалов. Приведем лишь некоторые примеры этого несовпадения: 1) лишь треть (31%) устойчиво привилегированных профессионалов обладают стабильно высокими доходами, 2) лишь треть (34%) устойчиво богатых – устойчиво привилегированы, 3) лишь единицы устойчиво привилегированных

а) пересечение зон социально благополучия (составляющих совокупно 25% профессионалов)

б) пересечение зон социального неблагополучия (составляющих совокупно 16% профессионалов)

Рис. 8.2. Численность профессионалов, устойчиво пребывающих на верхних/нижних позициях трёх моделей стратификации, РМЭЗ, 2020 г., % от числа профессионалов, участвовавших в исследовании с 2014 по 2020 гг.

(6%) субъективно богаты. Столь же разнородно и социальное неблагополучие. Таким образом, даже у профессионалов, несмотря на их квалификацию и умственный характер труда, наблюдается типичная для современной России [Жоленникова, 2019] неконсистентность (рассогласованность) статусных позиций.

Отметим, что всё сказанное выше характеризует только тех профессионалов, которые попали в выборку исследования РМЭЗ. Очевидно, что наиболее квалифицированные и успешные профессионалы (например, доктора наук, эксперты международного уровня и т. д.) значительно слабее представлены в подобных исследованиях, чем в реальности, так как оказываются практически недоступны для интервьюеров. Это объясняет и практически полное отсутствие среди профессионалов случаев многомерного благополучия. Для изучения этой высшей подгруппы профессионалов требуются иные методы сбора данных. Это является ограничением данного исследования и показывает направление для дальнейшего его углубления.

Обобщая всё сказанное, подчеркнем, что распределение профессионалов в рамках трёх рассмотренных социальных иерархий отражает совокупность доступных для них в обществе структурных позиций, а не их личные усилия, и изменить сложившуюся ситуацию возможно только посредством комплексной социальной политики. Простое стимулирование профессионалов к повышению их человеческого капитала приведёт лишь к росту конкуренции за ограниченное количество благополучных позиций. В качестве меры социальной политики, которая может укрепить положение профессионалов, может выступать расширение практики использования стимулирующих контрактов работодателем. Однако это возможно только при условии, если работодателю выгодно иметь высококвалифицированную рабочую силу. В этом смысле вектор внедрения наукоемких технологий в производство, заложенный в целях национального развития России, должен заложить основу для

позитивных изменений. Но этот способ не решит проблему в корне, так как поселенческие неравенства чрезвычайно сильно влияют на структуру доступных позиций, а для доходных неравенств важны и демографические характеристики профессионалов.

Чтобы нивелировать поселенческие неравенства, требуется ряд мер, направленных на комплексное развитие сельских территорий и малых городов. В первую очередь мы подразумеваем меры, направленные на развитие локальных рынков труда. Это в свою очередь приведёт к росту числа благополучных структурных позиций и стимулирует профессионалов наращивать человеческий капитал без смены места жительства. Стимулирование же профессионалов к переезду в более крупные типы поселений видится плохой стратегией решения проблемы, так как лишь усилит поселенческие неравенства и усугубит ситуацию в «малой России».

В завершение следует подчеркнуть, что анализ динамики положения российских профессионалов имеет большое значение для понимания обоих типов макроизменений, которые переживает постсоветская Россия, – как успешного движения по пути позднеиндустриальной модернизации, так и создания предпосылок для формирования постиндустриальных тенденций. В начале перехода России к современной рыночной экономике западные учёные предполагали [Szelényi, 2013], что с течением лет роль надындивидуальных факторов в благополучии граждан будет уменьшаться, уступая место тем, которые связаны с их личными достижениями. Это должно было стать сигналом об успешном транзите к обществу, основанному на главенстве меритократических принципов. Однако, как видно из результатов проведённого исследования, в России этот процесс ещё очень далёк от завершения. Этап жизненного цикла, иждивенческая нагрузка и поселенческие неравенства продолжают играть чрезвычайно большую роль в жизни российских профессионалов.

Выводы

Результаты исследования позволяют утверждать, что профессионалы не защищены от рисков объективно measurable хронического доходного неблагополучия, хотя по сравнению с другими работающими россиянами для них это более редкое явление (в особенности – хроническая депривация). Риски формируются преимущественно в тех случаях, когда профессионал обладает общим человеческим капиталом низкого качества или проживает в сельских поселениях. Как и все остальные россияне, профессионалы подвержены повышенным рискам обеднения также в случае рождения второго и последующих детей. Если принимать во внимание все возможные формы неблагополучия, включая субъективное (тем более, если рассматривать не только случаи хронического неблагополучия, но и эпизодические), то риски эти оказываются довольно существенными. Из этого следует, что проблема «новой бедности», прежде всего бедности профессионалов, актуальна и по сей день.

В целом у профессионалов, казалось бы, «всё хорошо». Их шансы на стабильное благополучие выше, чем у подавляющего большинства работающих россиян. Более того, шансы на достижение этих высоких позиций во многом определяются их знаниями, умениями и навыками. Однако они не могут ничего противопоставить поселенческим неравенствам, задающим им жёсткую сетку внешних структурных ограничений. В результате наиболее богатые и привилегированные профессионалы концентрируются в городах, а наиболее бедные и депривированные – в сёлах. Поселенческий срез стягивает на себя и многие иные формы неравенств, усиливая их совместный эффект. Наиболее тревожным фактором выступает негативная оценка частью профессионалов своего положения в обществе в координатах «бедность-богатство» (т. е., по сути своей, их субъективная оценка материального положения семьи). Практически никто из них не воспринимает своё положение в обществе как

высокое; каждый третий профессионал хотя бы иногда ощущал себя в период 2014–2020 гг. бедным, причём 8% жили с таким восприятием практически постоянно. Это явление требует дальнейшего анализа и предположительно связано с «негативной стабилизацией» положения всего населения страны с середины 2010-х гг., а также с тем, что шансы на объективное благополучие во многом продиктованы поселенческими неравенствами, а не личными усилиями профессионалов. Сказывается на этом, несомненно, также характер потребностей и уровень притязаний этой группы.

Подводя общий итог нашего анализа, ещё раз подчеркнем: самым негативным аспектом социально-экономического неблагополучия российских профессионалов является то, что оно связано не столько с различиями в качестве человеческого капитала представителей данной группы, сколько с влиянием поселенческих неравенств и изживенческой нагрузки. Таким образом, хотя можно говорить об относительной успешности российских профессионалов по разным (не только монетарным) критериям на фоне других массовых групп российских работников, однако эта успешность даже на таком фоне выражена не очень ярко. Среди её факторов человеческий потенциал не является доминирующим, более того – его роль в условиях быстрого роста числа лиц с высшим образованием для большинства профессионалов (за исключением профессионалов с очень высоким качеством человеческого капитала) постепенно снижается.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, профессор-исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Основные научные интересы: социальная стратификация российского общества, социально-экономические последствия реформ для российского общества в целом и различных групп населения в частности, социокультурная модернизация России. Автор свыше 400 научных работ. Основные труды: «Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике» (1999), «Феномен городской бедности в современной России» (2003), «Poverty and Social Exclusion in the New Russia» (2004, 2017, в соавторстве), «Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа» (2007), «Средний класс: теория и реальность» (2009, в соавторстве), «Социальная структура России: теории и реальность» (2014), «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» (2018, в соавторстве), «Общество неравных возможностей: социальная структура современной России» (2022, в соавторстве). Ответственный редактор и автор глав в десятках подготовленных по итогам крупных общероссийских исследований монографий, в т. ч. глав в монографиях по результатам международных проектов («Handbook on Social Stratification in the BRIC Countries. Change and Perspective» (2013), «The Middle-Income Group in China and Russia» (2021), «Life Expectations of the People» (2021) и др.). Руководитель и участник десятков крупных исследовательских проектов, в т. ч. международных, по различной тематике.

ЛАТОВ Юрий Валерьевич – доктор социологических наук, кандидат экономических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: теории социально-экономических систем и социально-экономического развития, институциональная экономика, социология общественного мнения, экономическая история, человеческий капитал, теневые социально-экономические отношения, социология образования. Автор более 350 научных работ, в т. ч. статей в ведущих российских научных журналах. Соавтор коллективных монографий: «Российское общество и вызовы времени» (2016, 2017, 2022), «Экономическая история России (опыт институционального анализа)» (2016), «Социология образования. Дополнительное и непрерывное образование» (2017), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018), «Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа» (2018), «Наукоёмкие производства в системе взаимодействия институтов» (2021) и др. Участник крупных исследовательских проектов по проблемам социальной динамики, общественному запросу на перемены, вопросам модернизации российской экономики и общества, особенностям российской экономической ментальности.

КАРАВАЙ Анастасия Вадимовна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: ресурсообеспеченность различных профессиональных групп, особенности занятости и социально-экономической адаптации населения. Автор более 50 научных работ, в т. ч. статей в ведущих российских научных журналах и глав в коллективных монографиях по результатам общероссийских и международ-

ных исследований: «Российское общество и вызовы времени» (2016, 2017, 2022), «Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа» (2018), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018), «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» (2018), «The Middle Income Group in China and Russia» (2021) и др. Участник крупных исследовательских проектов, в т. ч. международных, по тематике социальной стратификации российского общества.

ЛАТОВА Наталия Валерьевна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: социально-психологические характеристики общественного сознания, социология образования, человеческий потенциал, этнометрия. Автор более 100 научных работ, в т. ч. монографии «Социология образования. Дополнительное и непрерывное образование» (2017, в соавторстве); глав в вышедших за рубежом коллективных монографиях по результатам международных проектов («The Middle Income Group in China and Russia» (2021), «Life Expectations of the People» (2021)); глав в монографиях по итогам общероссийских исследований – «Российское общество и вызовы времени» (2015, 2016, 2017, 2022), «Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований» (2016), «Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа» (2018), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018), «Наукоёмкие производства в системе взаимодействия институтов» (2021), а также статей в ведущих российских и зарубежных научных журналах. Участник крупных исследовательских проектов, в т. ч. международных, по проблематике процессов трансформации российского общества, человеческого капитала профессиональных групп, непрерывного образования.

СЛОБОДЕНЮК Екатерина Дмитриевна – старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Основные научные интересы: социально-экономическое неблагополучие, малообеспеченность, бедность, социальная структура и социальная стратификация, социальное неравенство. Автор более 40 научных работ, в т. ч. статей в ведущих зарубежных и российских научных журналах и глав в коллективных монографиях («Российское общество и вызовы времени» (2016, 2022), «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» (2018), «Общество неравных возможностей: социальная структура современной России» (2022) и др.). Участник проектов по проблематике социальной структуры российского общества и человеческого капитала россиян.

Научное издание

**Тихонова Наталья Евгеньевна, Латов Юрий Валерьевич,
Латова Наталия Валерьевна, Каравай Анастасия Вадимовна,
Слободенюк Екатерина Дмитриевна**

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ
РОССИЙСКИХ ПРОФЕССИОНАЛОВ:
СОСТОЯНИЕ, ДИНАМИКА, ФАКТОРЫ**

Редактор: *О. Ю. Зеленская*
Компьютерная верстка: *Е. В. Чичилов*

ISBN 978-5-89697-420-8

Подписано к печати 23.10.2023
Формат 60×90¹/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 30,5.
Тираж 000 экз. Заказ ...

Издатель: **Федеральный научно-исследовательский
социологический центр РАН**
Тел.: +7 (499) 125-00-79
117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
E-mail: fnisc@fnisc.ru.

Отпечатано в ... типографии
Тел.: (XXX) XXX-XX-XX
Почтовый адрес с индексом